
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Мельницы в жизни российского крестьянства пореформенного периода

А. Ф. Кривоноженко, Е. В. Захарова, Ю. В. Литвин

Для цитирования: Кривоноженко А. Ф., Захарова Е. В., Литвин Ю. В. Мельницы в жизни российского крестьянства пореформенного периода // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66. Вып. 3. С. 699–717. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2021.302>

Мельницы являлись неременным атрибутом повседневной хозяйственной практики крестьянства, поскольку были незаменимым звеном в технологии получения хлеба — основного продукта питания сельского населения. Между тем эти хозяйственные постройки почти не попадают в фокус научного интереса историков и антропологов.

Александр Федорович Кривоноженко — канд. ист. наук, мл. науч. сотр., Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Российская Федерация, 185910, Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11; krivfed@yandex.ru

Alexander F. Krivonozhenko — PhD (History), Junior Research Fellow, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences, 11, Pushkinskaya ul., Petrozavodsk, 185910, Russian Federation; krivfed@yandex.ru

Екатерина Владимировна Захарова — канд. филол. наук, науч. сотр., Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Российская Федерация, 185910, Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11; katja.zaharova@mail.ru

Ekaterina V. Zakharova — PhD (Philology), Research Fellow, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences, 11, Pushkinskaya ul., Petrozavodsk, 185910, Russian Federation; katja.zaharova@mail.ru

Юлия Валерьевна Литвин — канд. ист. наук, науч. сотр., Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Российская Федерация, 185910, Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11; litvinjulia@yandex.ru

Yulia V. Litvin — PhD (History), Research Fellow, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences, 11, Pushkinskaya ul., Petrozavodsk, 185910, Russian Federation; litvinjulia@yandex.ru

Исследование выполнено по государственному заданию Карельским научным центром РАН.

The research was carried out within the state commission by the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2021

Статья посвящена изучению социально-экономической роли мельниц в жизни крестьянства Карелии начала XX в. В основе исследования — анализ архивного статистического материала по данным сельскохозяйственной переписи 1916 г., а также этнографические и топонимические материалы, позволяющие комплексно изучить объект с учетом этнокультурного компонента. В результате исследования было установлено число мельниц в Карелии в начале XX в. Проанализированы условия, влиявшие на эффективность функционирования этих крестьянских хозяйственных построек. В результате проведенной работы установлено, что мельничное ремесло в Карелии являлось вторым (после кузнечного дела) по экономической выгоде мелким крестьянским производством. Вместе с тем занятие не являлось основным источником дохода в тех хозяйствах, где мельницы имелись. Мельник оставался прежде всего крестьянином-землепашцем. Отмечено, что абсолютное большинство мельниц в Карелии принадлежало одному владельцу. Общинное владение этими хозяйственными постройками не нашло широкого распространения в крае. Специфика источников позволила также проследить негативное влияние кризисных явлений в сельском хозяйстве на мукомольное дело в Карелии в период Первой мировой войны. Оно выразилось в мобилизации владельцев мельниц на фронт, увеличении стоимости оплаты наемного труда. Военное время вызвало также удорожание строительных материалов, в результате чего многие мельницы не ремонтировались в срок. Отдельное место в работе занимает рассмотрение мельницы в мифологической картине мира крестьян (обычаи и ритуалы, связанные с постройкой и работой мельницы). Анализ корпуса карело- и русскоязычных топонимических данных подтвердил важную экономическую роль мельниц в организации крестьянского хозяйства региона.

Ключевые слова: Карелия, Олонецкая губерния, водяная мельница, ветряная мельница, крестьянство, социокультурная антропология, топонимия.

Grinding Mills in the Life of the Russian Peasantry of the Post-Reform Period

A. F. Krivonozhenko, E. V. Zakharova, Yu. V. Litvin

For citation: Krivonozhenko A. F., Zakharova E. V., Litvin Yu. V. Grinding Mills in the Life of the Russian Peasantry of the Post-Reform Period. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2021, vol. 66, issue 3, pp. 699–717. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2021.302> (In Russian)

Grinding mills were a routine attribute of the economic life of the peasantry, being an indispensable stage in the process of making bread. Yet these structures are hardly ever specifically researched by historians and anthropologists. This paper examines the socio-economic role of mills in the life of peasants of the early 20th century in Karelia. The study is based on the analysis of archival statistical data from the agricultural census of 1916 as well as on ethnographical and toponymical materials, which allows for a comprehensive examination of the object. The study has identified the number of mills in Karelia at the beginning of the 20th century. It also analyses the conditions that contributed to the effectiveness of functioning of these peasant farm buildings. It has been found that the mill craft in Karelia was the second (after blacksmithing) small-scale peasant production in terms of its economic benefit. At the same time, this type of economic activity was not the main source of income in those farms where they existed. The miller remained primarily a peasant farmer, but the level of prosperity of his economy was higher than that of other peasants. The sources used for the research have also enabled to trace the negative effects of crises in agriculture in Karelia during World War I on the flour milling business. A special attention in the paper is devoted to the mythological worldview of peasants. The analysis of the corpus of Karelian- and Russian-language

toponymic data has confirmed the important role of grinding mills in the setup of the region's peasant economy.

Keywords: Karelia, the Olonets province, watermill, windmill, peasantry, sociocultural anthropology, toponymy.

Вступление

К началу XX в. хлебопашество являлось основным занятием для большей части населения Карелии. Неземледельческие промыслы, включая отходничество, в конечном счете были направлены на покупку недостающих запасов зерна, ржаной, ячменной и овсяной муки. В связи с этим очевидна важная роль вспомогательных построек в крестьянском хозяйстве, которые были включены в технологическую цепь получения хлеба. Таковыми, наряду с ручными, являлись водяные и ветряные мельницы, которые сохраняли важное значение в экономической жизни карельской деревни вплоть до середины прошлого века.

Мельницы традиционно являются объектом исследования специалистов в области истории, экономической географии, архитектуры. В ряде работ по отдельным регионам России они изучались в тех или иных аспектах¹. Мельницы Карелии рассматривались в трудах по традиционной деревянной архитектуре². В статьях С. Б. Потахина проанализировано географическое распределение мельниц по Олонецкой губернии и их хозяйственное использование на территории Вытегорского уезда³. Значительная часть отечественных исследований, посвященных мельницам, касается изучения этих строений с технической точки зрения. Другими регулярно повторяющимися сюжетами в таких работах являются подсчет количества мельниц в той или иной местности, поиск взаимосвязей между уровнем зернового производства и плотностью сети мельниц, а также между природно-географическими особенностями территории и техническим устройством строений. Значительное место в исследованиях посвящено при этом описанию отдельных примеров мельниц. В некоторых работах они рассматриваются в контексте развития мукомольной промышленности в хлебородных губерниях, но в этом случае, как правило, имеются в виду крупные промышленные объекты.

¹ Заяц И. С. Общие черты и особенности архитектуры мельничных сооружений // Известия Ростовского государственного строительного университета. 2015. Т. 1, № 19 (19). С. 314–316; Горюнов В. С., Заяц И. С. Водяные и ветряные мельницы северо-западного региона России. Конструктивные особенности и типология // Вестник гражданских инженеров. 2006. № 4 (9). С. 5–12; Ведерникова Н. М. Мельницы и мельник в русской мифологии // Научный диалог. 2014. № 12: Филология. С. 6–22; Волишаник В. В., Юрченко А. Н. Конструкции водяных и ветряных мельниц России XIX — начала XX веков. М., 2010; Черных О. Н., Волишаник В. В. Роль водяных мельниц в воссоздании исторических ландшафтов // Природообустройство. 2017. № 4. С. 47–55; Яковлева С. И. Мельницы в сельском расселении и хозяйстве тверского края // Вестник Тверского государственного университета. Серия: География и геоэкология. 2017. № 3. С. 17–29.

² Оповников А. В. Русское деревянное зодчество. Гражданское зодчество. М., 1983; Орфинский В. П. Деревянное зодчество Карелии. Л., 1972.

³ Потахин С. Б.: 1) Ветряные и водяные мельницы Вытегорского уезда // Вытегра: Краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1997. С. 168–170; 2) Мельничное хозяйство на территории Фенноскандии (финно-угорский и славянский ареалы расселения): историко-географический анализ // Восточная Европа: вопросы исторической, общественной и политической географии. Псков, 2003. С. 70–73.

Таким образом, в центре внимания ученых находятся подсчет числа мельниц и их классификация, описание принципов действия и изучение технических решений, примененных в отдельных постройках. Крестьянские мельницы, за редким исключением⁴, рассматриваются в исследованиях вне контекста хозяйственной активности крестьянства. Цель настоящей статьи заключается в комплексном анализе роли мельниц в социально-экономической и социокультурной жизни карельской деревни.

Взаимосвязь и неразрывность указанных выше аспектов крестьянской повседневности определили широкую постановку цели. Для ее решения сформулирован круг задач: подсчет общего числа мельниц в Карелии и анализ их расположения; изучение их роли в экономике деревень Карелии; рассмотрение нематериального этнокультурного компонента, связанного с этими хозяйственными постройками.

Крестьянские мельницы могут выступать в качестве самостоятельного объекта изучения в исторических, этнографических (антропологических), лингвистических работах. В данной статье применен междисциплинарный подход, который позволяет взглянуть на изучаемый объект с разных сторон благодаря использованию методов различных дисциплин. В частности, для статистического анализа значительного массива однотипных документов была создана база данных; для определения статуса мельника в деревенском сообществе, а также для понимания природы сакрализации пространства мельницы применен культурно-семиотический подход, характерный для историко-антропологического направления; использование лингвистических методов позволило раскрыть проблему формирования локально-топонимического ландшафта.

Помимо указанных методологических подходов, крестьянские мельницы являются репрезентативным объектом для этноэкологического исследования. Согласно А. М. Ямскову, объектом такого исследования может являться культура природопользования традиционного общества⁵. В нашем исследовании это применение крестьянами энергии воды или ветра для помола. Если речь идет о водяных мельницах, то следует учитывать и ограниченное антропогенное воздействие на локальный ландшафт (строительство плотин, прокопка дополнительных русел реки и т. д.).

Географические рамки исследования включают в себя Петрозаводский, Олонецкий, Повенецкий и Пудожский уезды Олонецкой губернии и Кемский уезд Архангельской губернии. После 1920 г. эти административные единицы были включены в территорию современной Карелии.

Хронологические рамки определены доступностью историко-этнографических источников (данные статистики, этнографические фиксации) и охватывают период с конца XIX в. до 1917 г.

Базовым источником для настоящей статьи стал хранящийся в Национальном архиве Республики Карелия (далее НАРК) комплекс дел, состоящих из анкетных

⁴ Сысоева Е. А. Водяные и ветряные мельницы Самарской губернии XIX — начала XX века // Градостроительство и архитектура. 2016. № 3 (24). С. 84–90; Люцидарская А. А. Мельницы сибирского региона в XVII веке как знаки становления и развития мукомольного производства // Баландинские чтения. Новосибирск, 2018. С. 457–461.

⁵ Ямсков А. Н. История становления и развития отечественной этноэкологии // Этнографическое обозрение. 2013. № 4. С. 60.

данных по мельницам Олонецкой губернии. Эти сведения — часть сельскохозяйственной переписи, которая проводилась в Российской империи в 1916 г. Анкеты содержали несколько блоков с общими сведениями о мельнице и владельце, информацией о постройках (размеры амбара, технические характеристики плотины, водоподводящего лотка), а также подробную информацию об устройстве механизма обследуемой мельницы. В ходе переписи земские переписчики обследовали мельницы *de visu*, заполняя анкеты, в том числе и на недействующие (из-за поломки, общей ветхости или сезонного обмеления ручья) мельницы.

В ходе работы с архивными данными были изучены анкеты, содержащие информацию о 377 водяных и ветряных мельницах из 4 уездов Олонецкой губернии. В фондах Государственного архива Архангельской области не удалось обнаружить аналогичного комплекса документов по Кемскому уезду. Таким образом, по территории Северной Карелии мы располагаем лишь общими сведениями (количество мельниц, число работников, доходность), которые были приведены в годовых обзорах Архангельской губернии. Аналогичные данные содержатся и в обзорах Олонецкой губернии, однако в этих источниках информацию о крестьянских мельницах публиковали лишь до 1910 г. Важно отметить, что методика сбора сведений по мельницам для приложений к обзорам Олонецкой и Архангельской губерний отличалась от переписи 1916 г. Мельницу никто ежегодно не обследовал, но владелец самостоятельно подавал сведения через сельского старосту в волостное правление.

Ценные сведения, посвященные в том числе и мельницам в Карелии, содержатся в опубликованных материалах финляндского ученого Пертти Виртаранта, собранных им на территории Карелии⁶. Топонимические данные основываются на полевых, ежегодно пополняемых (начиная с 1970-х гг.) материалах научной картотеки топонимов Карелии и сопредельных областей Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (далее ИЯЛИ КарНЦ РАН), а также на «Списках населенных мест Олонецкой губернии» разных лет.

Мельницы и мельник в экономике карельской деревни

Для решения поставленных в статье задач была подготовлена база данных, куда вносилась информация из всех обнаруженных 377 анкет мельниц 4 уездов Олонецкой губернии. По косвенным данным, в подготовленной базе остались неучтенными еще 18 анкет⁷. Хозяйственные постройки Кемского уезда за неимением аналогичных источников в расчетах не участвовали.

Следует заметить, что эта статистика не является исчерпывающей, поскольку в имеющихся архивных делах отсутствуют анкеты по мельницам из ряда крупных волостей Повенецкого и Пудожского уездов, однако общий порядок она отражает. В 1910 г., когда в отчете по Олонецкой губернии в последний раз были опубликованы сведения о количестве крестьянских мельниц, в 4 уездах их насчитывалось 544⁸.

⁶ Virtaranta P. Vienen kansa muistele. Porvoo; Helsinki, 1958; Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä. Helsinki, 1963. Osa 1.

⁷ Статистические сведения о водяных мельницах по Олонецкому уезду // НАРК. Ф. 27. Оп. 3. Д. 53/481. Л. 136, 137 об.

⁸ Обзор Олонецкой губернии за 1910 г. Петрозаводск, 1911. С. [62–63].

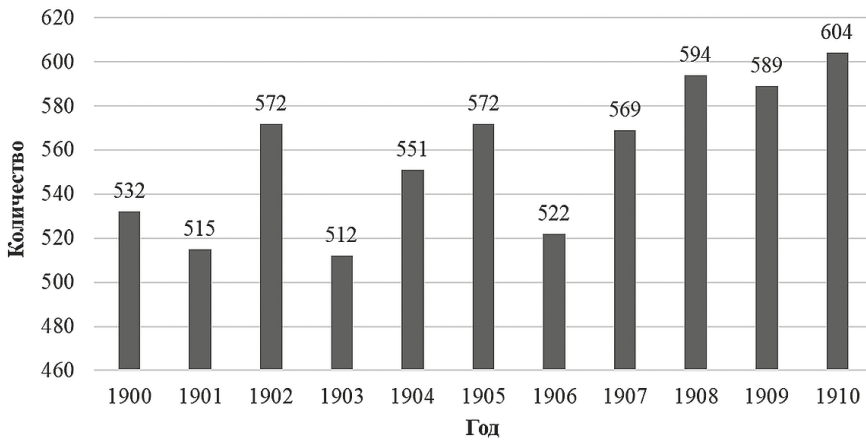

Рис. 1. Количество мельниц в Карелии в 1900–1910 гг.

Из 377 зафиксированных летом 1916 г. мельниц 267 (71 %) являлись водяными и 110 (29 %) ветряными. Лишь 19 мельниц были двупоставными⁹. На исследуемой территории Олонецкой губернии мельницы были распределены неравномерно: 214 (или 56,7 % от общего числа) были сосредоточены в Петрозаводском уезде, 74 (19,6 %) — в Олонецком. В самом крупном уезде губернии, Повенецком, их насчитывалось 52 (13,8 %). Меньше всего мельниц, согласно переписным анкетам 1916 г., было в Пудожском уезде — 37 (9,8 %).

Динамика количества мельниц в Карелии в начале XX в. прослеживается на основе анализа обзоров Олонецкой и Архангельской губерний за 1900–1910 гг. За более поздние даты интересующих нас сведений по Олонецкой губернии в обзорах уже не приводилось. Рис. 1, составленный по обзорам Архангельской и Олонецкой губерний за 1900–1910 гг., показывает, что динамика количества мельниц в регионе за десятилетие несколько варьировалась, но не подвергалась резким колебаниям. Некоторые различия в их числе по годам можно объяснить следующей причиной. В засушливые годы уровень воды в не крупных озерах понижался, что вызывало обмеление рек и пересыхание ручьев. Небольшие мутовки, на которых они располагались, не действовали и не приносили владельцу дохода. В этом случае крестьянин не посылал сведения о своей мельнице в волостное правление для составления отчета, но при этом фактически мельница продолжала существовать. Такие примеры часто фиксировались во время переписи 1916 г., проходившей в июне — июле. В следующем году гидрологическая обстановка могла измениться к лучшему, и мутовка возобновляла работу. Поскольку большинство мельниц Карелии были водяными, а не ветряными, то недостаточный объем воды в водоемах негативно отражался на количестве этого типа мельниц, а значит, автоматически снижал общий показатель по всем (ветряным и водяным) действующим мельницам региона. Кроме того, крестьянин не посылал сведения о мельнице, когда ее работа временно

⁹ Статистические сведения о водяных мельницах по Олонецкому уезду. Л. 136.

приостанавливалась из-за ремонта. Наконец, каждый год из строя окончательно выходили ветхие мельницы и вводились в эксплуатацию вновь построенные.

В основу классификации водяных мельниц был положен тип используемого водяного колеса. Абсолютное большинство мельниц края было оборудовано вертикальными колесами. Они, в свою очередь, делились на три типа в зависимости от принципа подачи рабочей воды на колесо: верхнебойное, среднебойное и нижнебойное¹⁰.

Реже на мельницах Олонецкой губернии использовалось горизонтальное водяное колесо. Такие мельницы-мутовки назывались рогатками (*карел. härkin-melliččä*¹¹). Вместо горизонтального вала, идущего от водяного колеса, на них устанавливался вал вертикальный, на нижнем конце которого крепились водяные лопасти, а на верхнем — верхний жернов¹². Внешне такая конструкция действительно напоминала деревянную мутовку (*карел. härkin*) для взбивания сливок. Особенно популярны мутовки были в центральных и западных (населенных карелами) волостях Кемского уезда¹³.

Производительность крестьянских мельниц зависела от природно-климатических факторов. Главным условием для продуктивной работы водяной мельницы являлась полноводность реки. В анкете по мельнице из д. Кавгора Петрозаводского уезда было отмечено: «Ручей, на котором мельница, так мал водой, что летом в нем нет воды напиться»¹⁴. Мельницы на крупных реках могли работать до 200–250 дней в году, при этом большую часть этого времени — круглосуточно. Большинство водяных мельниц работало с полной загрузкой с августа до холодов, то есть в период помола урожая хлебов. Другой пик активной работы был связан с весенним полноводьем. Если мельница была спроектирована неудачно, весной существовала угроза ее затопления¹⁵.

Другим важным фактором, определявшим продуктивность работы как водяных, так и ветряных мельниц, являлся диаметр жерновов мельничного постава. Этот параметр измерялся специальной величиной — четвертью — и равнялся $\frac{1}{4}$ аршина, то есть при переводе в метрическую систему 1 четверть равнялась 0,18 м. Например, жернов в 6 четвертей в диаметре равнялся 1 м. Чем больше был этот показатель, тем больше была рабочая площадь жернова и, соответственно, тем больше мельница могла перемолоть зерна за рабочий день. На примере мельниц Карелии эта зависимость представлена на рис. 2¹⁶.

¹⁰ Мукомольное дело: руководство к устройству мукомольных и крупяных мельниц при конных, ветряных, водяных и паровых двигателях и пр[оизводст]во мучных продуктов. СПб., 1883. С. 495, 501, 505.

¹¹ Здесь и далее значение карельских слов дано по: Karjalan kielen sanakirja. T. I–VI. LSFU XVI. Helsinki, 1968–2005.

¹² Соколов В. В. Руководство к устройству разного рода мукомольных мельниц, составленное по превосходнейшим иностранным сочинениям, с дополнением множества сведений, собранных в отечестве нашем. СПб., 1851. С. 146.

¹³ Virtaranta P. Vienan kansa muistelelee. S. 393–395.

¹⁴ Статистические сведения о водяных и ветряных мельницах по Петрозаводскому уезду // НАРК. Ф. 27. Оп. 3. Д. 53/479. Л. 10.

¹⁵ Статистические сведения о водяных и ветряных мельницах по Повенецкому уезду // Там же. Д. 61/549. Л. 110.

¹⁶ Составлено по: Дело по обследованиям работы водяных мельниц Олонецкой губернии // НАРК. Ф. 10. Оп. 3. Д. 4/73. Л. 26 об., 33 об., 43, 57 об.

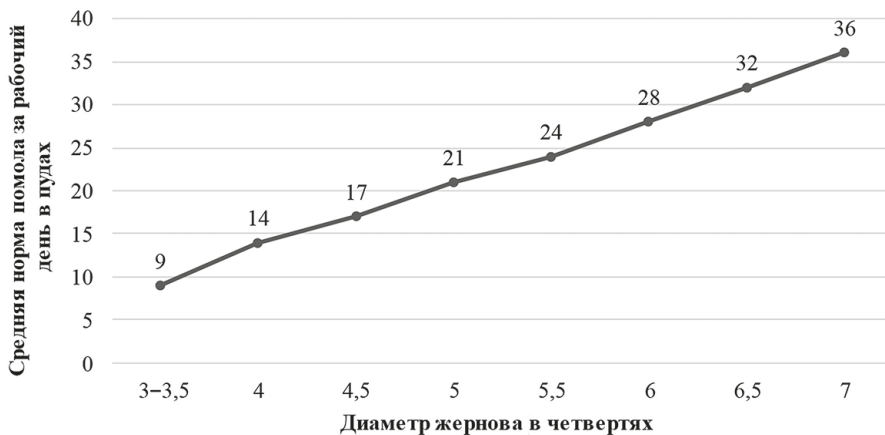

Рис. 2. Зависимость продуктивности работы мельницы от диаметра жернова

Следует отметить, что перепись зафиксировала лишь несколько мельниц, где были установлены жернова диаметром 6,5–7 четвертей (в Шунгской и Богоявленской волостях соответственно)¹⁷. Во-первых, они дорого стоили: в одной из анкет указывалось, что за постав с парой жерновов диаметром 5 четвертей владельцу строящейся мельницы пришлось отдать 20 руб.¹⁸ Камни крупнее стоили еще дороже. Во-вторых, необходим был устойчивый спрос на работу мельницы. В-третьих, такие жернова можно было установить лишь на мельнице, которая строилась на полноводной реке с быстрым течением. Наибольшей популярностью у крестьян в Карелии, согласно данным по Петрозаводскому, Повенецкому и Пудожскому уездам, пользовались жернова средних размеров — от 4 до 5 четвертей (см. рис. 3¹⁹).

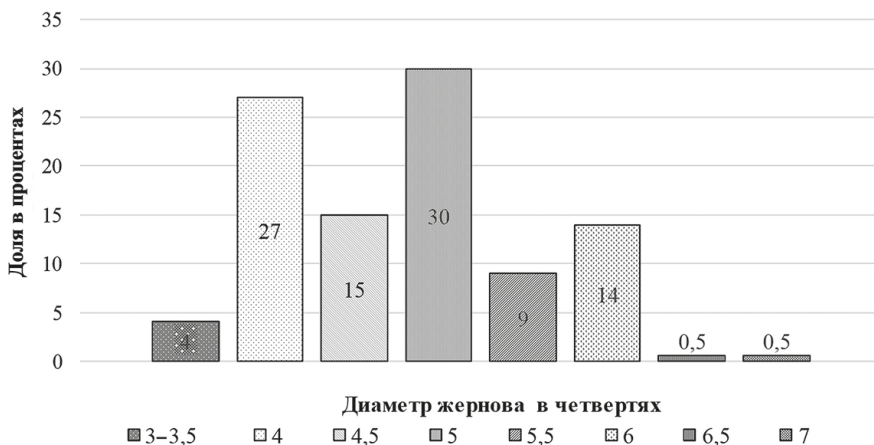

Рис. 3. Процентное соотношение мельниц с разным размером жерновов

¹⁷ Дело по обследованиям работы водяных мельниц Олонецкой губернии // НАРК. Ф. 10. Оп. 3. Д. 4/73. Л. 26 об.

¹⁸ Статистические сведения о водяных мельницах по Петрозаводскому уезду // НАРК. Ф. 27. Оп. 3. Д. 60/535. Л. 60.

¹⁹ Составлено по: Дело по обследованиям работы водяных мельниц Олонецкой губернии // НАРК. Ф. 10. Оп. 3. Д. 4/73. Л. 26, 33 об., 43.

На мельницах в Карелии перемалывали рожь и ячмень. Кроме жерновов, на многих мельницах (и водяных, и ветряных) были установлены толчеи (крупорушки) для переработки овса и ячменя в крупу и приготовления толокна. Они представляли собой высокие ступы (гнезда), в которых березовым пестом измельчался овес. Производительность мельничной толчеи оценивалась в объеме толчения овса в одной ступе (гнезде) за рабочий день. Согласно нашим подсчетам, в среднем по 4 уездам Олонецкой губернии эта цифра составляла 64,59 фунта (34,8 кг)²⁰.

В северных волостях Повенецкого уезда, граничивших с Архангельской губернией или близких к ней, толчеи на мельницах встречались реже. В Ребольской волости в 1916 г. не было зафиксировано ни одной мельницы с толчеей²¹. Вероятно, это может быть связано с постепенным уменьшением посевных площадей овса в крестьянских хозяйствах Карелии в зависимости от географического положения (чем севернее, тем меньше становился процент овса в общей структуре высева зерновых). Так, в Ребольской волости в 1916 г. овсом было засеяно лишь 7,67 % посевной площади, в то время как, например, в Шуйской волости Петрозаводского уезда этот злак занимал 43 % от всей площади посевов²².

В мельницах с простейшими конструкциями толчея действовала только одновременно с жерновами. На других мельницах толчея и жернова могли работать по отдельности, поскольку приводились в движение разными водяными колесами.

Помимо измельчения и толчения семян злаковых, крестьяне использовали мельницы и в других хозяйственных целях. В частности, на них могли устанавливаться точильные круги, которые приводились в движение отдельным небольшим водяным колесом или крепились на вал от толчеи²³. В вепских деревнях, где крестьяне традиционно занимались обработкой камня, на мельницах в качестве дополнительного оборудования устанавливались приспособления для обточки камня²⁴.

Постройка мельницы требовала значительных финансовых ресурсов. Из указанных в анкетах сведений следует, что средняя стоимость материалов и работы составляла 160 р. Из этих же источников известно, что средняя цена мельницы при продаже равнялась 109 р. Оценить доходность мельниц сложнее. В переписных анкетах 1916 г. эти сведения указаны отрывочно и разрозненно. Вероятно, владельцы неохотно говорили о прибыли, опасаясь, что результаты сельскохозяйственной переписи могут лечь в основу дополнительных налогов в условиях Первой мировой войны. По действующему законодательству крестьянские мельницы не облагались государственным промысловым налогом²⁵.

²⁰ Дело по обследованию работы водяных мельниц Олонецкой губернии // Там же. Л. 27 об., 35 об., 44 об., 53 об.

²¹ Там же. Л. 27 об.

²² Олонецкая губерния: Результаты предварительного подсчета материалов Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. Петрозаводск, 1916. С. 3.

²³ Статистические сведения о водяных мельницах по Олонецкому уезду // НАРК. Ф. 27. Оп. 3. Д. 53/482. Л. 19; Статистические сведения о водяных мельницах по Повенецкому уезду // Там же. Д. 60/533. Л. 90.

²⁴ Дело по ходатайству крестьянина Шелтозерско-Бережной волости И. Двигалова об утверждении приговоров, касающихся постройки мельницы, и о разрешении ему покрыть амбар крышей // НАРК. Ф. 54. Оп. 3. Д. 30/853. Л. 1.

²⁵ Высочайше утвержденное 8 июня 1898 г. мнение Государственного совета. Ст. 964. Об утверждении положения о государственном промысловом налоге. Вятка, 1898. С. 12.

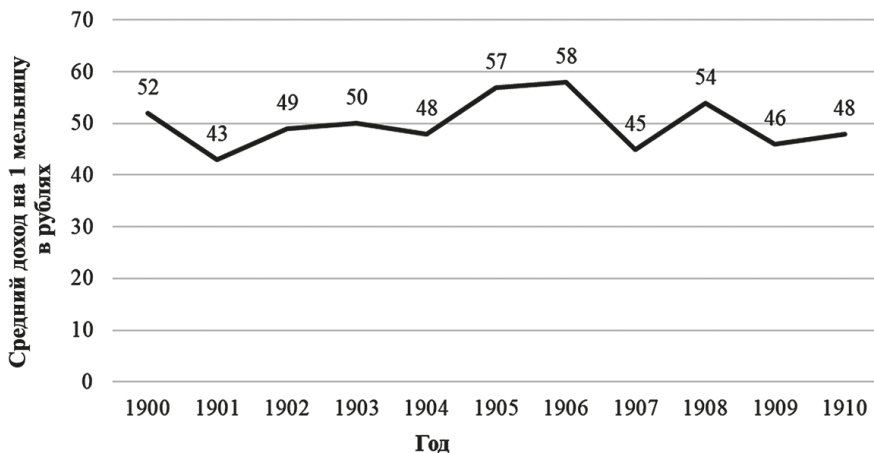

Рис. 4. Средний годовой доход мельниц в Карелии в 1900–1910 гг.

В обзорах Олонецкой и Архангельской губерний приведены цифры, которые позволяют показать общую картину доходности мельниц. Согласно подсчетам, в среднем на одну мельницу в Карелии в 1900–1910 гг. приходилось 50 руб. чистого дохода. Как видно из рис. 4, составленного по обзорам Архангельской и Олонецкой губерний за 1900–1910 гг., эта цифра колебалась от 43 до 58 руб. в год. Колебания можно объяснить рядом взаимовлияющих факторов. Очевидно, что неурожайный год влиял на доходность деревенской мельницы. Однако в таких случаях в Олонецкой губернии земства заранее централизованно закупали дефицитные объемы хлеба, снабжали им население, и крестьяне везли на мельницы покупное²⁶ зерно. В то же время часть хлеба крестьяне покупали уже в виде муки, что лишало владельцев мельниц некоторой доли прибыли.

Мукомольное дело приносило карельской деревне наибольший заработок из всех видов мелкого ремесленного крестьянского производства. Ближайшим «конкурентом» стабильно являлось кузнечное дело. Для сравнения, в 1910 г. в Карелии было зарегистрировано 604 мельницы, на которых работало 607 человек, а общий чистый доход мельничных производств за тот год составил 28 870 руб. В этом же году в крае насчитывалось 295 кузниц, в которых работало 384 человека. Суммарный доход крестьянских кузниц составил 23 539 руб. Причем нужно отметить, что кузнечное дело было более рентабельным: в среднем на одну кузницу в Карелии в 1910 г. приходилось почти 80 руб. чистого заработка, в то время как для мельниц этот показатель равнялся 48 руб.²⁷

Следует отметить значительный размер производственных издержек, отнимаемый у владельцев мельниц в Карелии от 53 до 59 % валового дохода²⁸. Эта часть дохода уходила на ежегодный ремонт плотин и лотков у водяных мельниц, освеще-

²⁶ В Карелии даже в урожайные годы крестьяне вынуждены были докупать хлеб.

²⁷ Обзор Олонецкой губернии за 1910 г. С. [62–63]; Обзор Архангельской губернии за 1910 г. Архангельск, 1912. С. [242–243].

²⁸ Дело по обследованиям работы водяных мельниц Олонецкой губернии // НАРК. Ф. 10. Оп. 3. Д. 4/73. Л. 37.

ние, закупку смазочных материалов, страховку строения, текущий ремонт механизмов, оплату труда наемного работника.

Одни из немногих о доходности своей мельницы в ходе переписи сообщили крестьяне д. Ондозеро Повенецкой волости, указав, что средний доход их общественной мельницы составлял 100 руб. в год. Однако половина от этой суммы отдавалась наемному работнику из местных крестьян, обслуживавшему мельницу²⁹. Данный пример иллюстрирует корреляцию социально-экономических процессов в стране и изменения статуса наемного труда. Если традиционно оплата труда наемного мельника не была высокой, то в связи с нехваткой рабочей силы из-за массовой мобилизации на фронт ситуация меняется. Осенью 1913 г. на молотье хлебов взрослый мужчина без лошади на содержании работодателя получал в среднем по Олонецкой губернии 51 коп. в день³⁰. Осенью 1915 г. за эту же работу платили уже 79 коп.³¹ Рост заработной платы здесь составил 55 %. В Карелии нехватка рабочей силы во время войны обострилась также массовой вербовкой местного населения на строительство Мурманской железной дороги.

Другим негативным влиянием войны стала общая дороговизна жизни, в связи с чем плановый ежегодный ремонт оборудования мельниц откладывался. Износ механизмов стал причиной закрытия не менее 17 мельниц за несколько лет до анкетирования. Такое косвенное влияние Первой мировой войны в той или иной степени отразилось на всех мельничных хозяйствах края. Ряд из них испытал на себе отголоски военного конфликта напрямую: источники говорят о том, что не менее 8 владельцев мельниц на момент переписи летом 1916 г. были на фронте.

Отмеченные социально-экономические последствия войны для карельской деревни стали причиной снижения доходности крестьянских мельниц. Так, согласно подсчетам по обзорам Архангельской губернии за 1900–1915 гг., в Кемском уезде в 1900–1913 гг. каждая мельница приносила в среднем 77 руб. чистой прибыли. В отдельные годы эта сумма достигала 160 руб. В 1914 г. средняя прибыль с одной мельницы в этом уезде составила лишь 19 руб., а в 1915 г. — 22 руб.

Несмотря на высокую стоимость постройки мельницы и последующее дорогостоящее обслуживание, абсолютное большинство из них принадлежало одному владельцу: 313 из 377 изученных. Зачастую они передавались по наследству. У 49 мельниц было несколько владельцев, среди которых встречались родственники. Монастырям принадлежало 4 мельницы, при этом 2 из них сдавались в аренду крестьянам³². Общинное владение мельницами не было характерно для Карелии. Только 11 мельниц находилось в коллективной собственности крестьян одной или нескольких деревень. Это можно объяснить тем, что благодаря большому количеству удобных для постройки мельниц рек и низкой плотности населения не возникало необходимости «делить» водоем между несколькими селениями. Кроме того, в источниках встречаются упоминания о том, что крестьяне всячески затягивали принятие решения о строительстве общественной мельницы, надеясь на проявление

²⁹ Статистические сведения о водяных и ветряных мельницах по Повенецкому уезду // НАРК. Ф. 27. Оп. 3. Д. 61/549. Л. 124.

³⁰ Материалы по текущей статистике. Вып. 14. Лето — осень 1913 г. Петрозаводск, 1914. С. 25.

³¹ Там же. Вып. 16. Зима 1914/15 г., весна, лето — осень 1915 г. Петрозаводск, 1916. С. 156.

³² Статистические сведения о водяных и ветряных мельницах по Петрозаводскому уезду // НАРК. Ф. 27. Оп. 3. Д. 53/479. Л. 41, 44.

ние инициативы со стороны одного из земляков. В этом случае инициатива поощрялась бесплатным отпуском общественного леса, а также иной помощью при строительстве и дальнейшей эксплуатации мельницы³³.

Среди владельцев мельниц были и женщины, однако таких случаев в источниках зафиксировано немного: лишь в 8 случаях крестьянки были единственными хозяйками этих построек, а еще в 4 — владели ими совместно с братьями или другими собственниками.

Мельницы являлись объектами не только продажи, но и аренды. Стоимость аренды была индивидуальной для каждой постройки и зависела прежде всего от сезонного объема помола. Этим объясняется значительный разброс в стоимости годовой аренды — от 32 до 200 руб. в год. В аренду могла сдаваться не только сама мельница. Доход крестьянской общине приносили удобные для постройки мельницы пороги, расположенные в пределах их наделных земель. Арендная стоимость в таких случаях была относительно невысокой — 2,5–3 руб. в год. В источниках отмечен лишь один факт дорогостоящей аренды порога: крестьянин д. Нижняя Путка, Ефимон Иванович Лукинский, арендовал у Палеостровского монастыря часть русла р. Путка с 1914 г. на 24 года с платой 15 руб. в год³⁴.

Изученные материалы свидетельствуют, что в Карелии мукомольное дело представляло собой ремесленную форму производства — мельники работали лишь на заказчика и с материалом заказчика. В официальных документах констатировалось, что мельницы в крае имели «исключительно местное значение», как, например, деревенские кузницы³⁵. Мука не мололась на продажу. Зачастую оплата на мельницах осуществлялась путем натурального обмена — частью полученной муки. В начале XX в. в России товарной мукомольной промышленностью занимались лишь крупные и средние мукомольные предприятия, работавшие на общероссийский, региональные рынки или на экспорт. Они имели возможность через своих представителей самостоятельно закупать зерно у производителей в хлебобродных губерниях³⁶. В Карелии мельник оставался прежде всего земледельцем, получая от мельницы дополнительный заработок, окупавший вложения в ее строительство и средства на текущий ремонт и эксплуатацию механизмов. Иногда маломощная крестьянская мельница, принадлежавшая одному владельцу, обслуживала лишь потребности его хозяйства, не работая на заказ. В анкете одной из таких мельниц указано: «Цели коммерческие не преследуются, так как владелец занят хозяйством»³⁷. В связи с этим в имеющихся источниках нет прямых свидетельств об уровне материального благополучия именно мельников. Мы можем судить об этом лишь косвенно по отдельным документам, а также анкетным данным крестьянских дворов, собран-

³³ Елькин А. Я. [О постройке водяной мельницы в с. Муромля Петрозаводского уезда] // Вестник Олонецкого губернского земства. 1911. № 2. С. 16; Дело по приговору крестьян о дополнительном наделении земель — податной, сенокосной, выгонной лесной и подсечной // НАРК. Ф. 54. Оп. 1. Д. 22/276. Л. 233.

³⁴ Статистические сведения о водяных мельницах по Повенецкому уезду // НАРК. Ф. 27. Оп. 3. Д. 60/533. Л. 81.

³⁵ Олонецкая губерния: статистический справочник. Петрозаводск, 1913. С. 63.

³⁶ Прокофьева Е. Ю. Проблемы организации мукомольной промышленности советской России в первой половине 20-х гг. XX в. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2007. Т. 2, № 3. С. 74.

³⁷ Статистические сведения о водяных и ветряных мельницах по Петрозаводскому уезду // НАРК. Ф. 27. Оп. 3. Д. 61/548. Л. 141.

ным губернским статистическим комитетом. Обобщая эти разрозненные сведения, можно сделать вывод о том, что на фоне уровня жизни односельчан экономическое положение хозяина мельницы выглядело намного лучше. Например, в нескольких документах из Сязозерской волости Петрозаводского уезда указывалось, что мельник владел сразу двумя мельницами и большим домом³⁸. В другом случае хозяин мельницы являлся сельским старостой и, судя по жалобам односельчан земскому начальнику, злоупотреблял своими полномочиями для укрепления своего экономического положения³⁹. В то же время мы считаем, что мельница была не главным фактором благополучия мельников. Это были крепкие по меркам Карелии крестьянские хозяйства, которые имели большее количество посевных площадей, большее количество скота, необходимый сельскохозяйственный инвентарь и имели возможность нанимать дополнительных работников для отдельных работ в своем хозяйстве⁴⁰. Мельница являлась для крестьян инвестицией в необходимую для них хозяйственную постройку, которая ввиду своей исключительной экономической важности для деревни приносила и определенную выгоду.

Сакрализация пространства мельницы и статус мельника

Помимо экономического значения, мельницы играли заметную роль в мифологической картине мира крестьянина. Водяные и, реже, ветряные мельницы располагались в безлюдных местах, вне населенных пунктов, что, с одной стороны, объяснялось утилитарными целями и удобством. Так, подходящий для строительства водяной мельницы участок ручья мог находиться за 5–10 км от деревни. С другой стороны, на фоне уединенного месторасположения вблизи леса или водных объектов они рассматривались как пограничное пространство, место обитания водяного или лешего, маркировали границу освоенного человеком пространства (двор, деревня) и иного, потустороннего мира. Н. М. Ведерникова пишет о двойственном отношении к мельницам: это была необходимая часть крестьянского мира и одновременно враждебное человеку место⁴¹. Фольклорные рассказы относятся преимущественно к водяным мельницам, которые упоминаются уже в письменных источниках второй половины XIII в., однако историки⁴² уверены в их более раннем распространении⁴³.

На материалах Русского Севера сделано предположение о том, что мельница расценивалась как мужская зона, поскольку существовал запрет на их посещение женщинами и детьми⁴⁴. Иные отрывочные сведения были зафиксированы на тер-

³⁸ По прошению крестьянки Д. Федотовой об изъятии у ее пасынка крестьянина А. Александра мукомольной мельницы // НАРК. Ф. 53. Оп. 3. Д. 23/1078. Л. 1.

³⁹ По прошению крестьянина Ф. Ильина о воспрещении крестьянину Михайлову постройки мельницы на принадлежащей просителю пожне // Там же. Оп. 7. Д. 1/18. Л. 1.

⁴⁰ См.: Статистические сведения о крестьянских хозяйствах по Петрозаводскому и Вытегорскому уездам // НАРК. Ф. 27. Оп. 2. Д. 49/815.

⁴¹ *Ведерникова Н. М.* Мельницы и мельник в русской мифологии. С. 7.

⁴² *Рыбаков Г. А.* Ремесло древней Руси. М., 1948. С. 566.

⁴³ *Ведерникова Н. М.* Мельницы и мельник в русской мифологии. С. 7; Русские. Историко-этнографический атлас. Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда. Середина XIX — начало XX века. М., 1968. С. 119.

⁴⁴ *Ведерникова Н. М.* Мельницы и мельник в русской мифологии. С. 8.

ритории Карелии, по крайней мере в северной части края, а также в Заонежье. Так, заонежская крестьянка из д. Конда 1885 г. р. вспоминала, как в начале 1920-х гг. она обморозила пальцы ног во время поездки на мельницу зимой в сильный мороз⁴⁵. Карелка из с. Паданы (район Сегозерья) упоминала, что в детстве помогала деду убирать муку на мельнице в берестяные кошелю⁴⁶. Мари Кююренин (1883–1979) — уроженка д. Вокнаволоку Ухтинского уезда (Калевальский район) — рассказывала, как, будучи ребенком, ходила с местной повитухой на мельницу молотть зерно. В ее рассказе также содержатся сведения о *kurkku* — простом блюде, которое готовили в мельничной избе, ожидая очереди на помол зерна⁴⁷.

Н. М. Ведерникова отмечает, что ни один другой фольклорный персонаж не получил столь детальной разработки, как мельник. В частности, на материалах Русского Севера отмечено, что мифологизированный образ мельника как холостяка и одиночки был описан через его статус⁴⁸. По-видимому, этот тезис коррелирует с упомянутым выше образом мельничного пространства как мужского. Статистические и этнографические материалы, собранные в Карелии, косвенно свидетельствуют, что мельницами могли управлять женатые мужчины. Так, перепись 1916 г. зафиксировала, что некоторые мельницы мобилизованных на время войны крестьян простаивали, на других продолжали работать их жены, однако в этих случаях мельницы использовались нечасто⁴⁹. При перечислении финскому собирателю П. Виртаранта владельцев мельниц в районе оз. Пертозера (совр. Кондопожский район) назывались как одинокие, так и семейные мельники, в том числе упоминался старообрядец Софо (Sófo) Макаров из д. Гомсельга, который жил с супругой Мартой рядом с мельницей⁵⁰.

Выше было отмечено, что мельники обладали высоким авторитетом. Например, мельник мог перераспределить порядок помола зерна при скоплении очереди на мельнице. Он мог и обманывать⁵¹, однако последнее обстоятельство быстро становилось известным в округе, что влекло не только репутационные потери, но и реальные убытки — на такие мельницы ездили лишь в случае, когда другие были заняты⁵². Таким образом, важным для мельника было не просто обладание высоким социальным статусом, который подкреплялся сакральными знаниями, приписывавшимися ему сельским обществом, но и поддержание его. В представлении жителей деревни мельник был способен наладить контакт с мифологическими существами, являвшимися персонифицированными воплощениями сил природы (ветер, вода), которые помогали переработать зерно в муку. Это ставило мельника в ряд с другими деревенскими специалистами: пастухом, кузнецом, которые счи-

⁴⁵ Курдова З. Дневник 1931 г. Сенногубский с/с Заонежского района АКССР 1931 г. // Научный архив КарНЦ РАН. Разр. VI. Оп. 1. Д. 75. Л. 30.

⁴⁶ Образцы карельской речи. 1: Говоры Республики Карелии, тихвинских и тверских карел = Näytteitä karjalan kielestä. 1: Karjalan tasavallan ja Sisä-Venäjän karjalaismurteet. Joensuu, 1994. С. 176.

⁴⁷ Virtaranta P. Vienen kansa muistellee. S. 394.

⁴⁸ Ведерникова Н. М. Мельницы и мельник в русской мифологии. С. 17.

⁴⁹ Статистические сведения о водяных мельницах по Петрозаводскому уезду // НАРК. Ф. 27. Оп. 3. Д. 60/535. Л. 113.

⁵⁰ Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä. S. 314.

⁵¹ В образцах людиковской речи описаны способы обвеса при помолу: мельник мог добавить в овес воду или мучную пыль для увеличения общего веса при помолу ржи. См.: Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä. S. 313.

⁵² Ibid. S. 312–314.

тались «знающими» людьми⁵³. Для бесперебойной работы возводимой мельницы между мельником и водяным (лешим), по народным поверьям, заключалось тайное соглашение. В целом, происходившее на мельнице не подлежало огласке. Интересно сообщение из Южной Карелии (оз. Мунозеро) о строительстве мельницы колдуном, который предупредил мельника: «Слушай, как начнешь молоть, придешь на мельницу ночью, о том, что увидишь, никому не рассказывай, и ничего не трогай!»⁵⁴ Помимо предписаний, фрагмент примечателен тем, что содержит упоминание о строительстве мельницы колдуном, который «всегда строил мельницы, хороший был мастер»⁵⁵. Подобные сведения ранее нам не встречались.

Дух-хозяин мог наказать мельника за нарушение договора. В одной из быличек описывалась история, которая, с точки зрения мифологии, объясняла правила рациональной эксплуатации мельницы. Водяной предупредил мельника о необходимости оставлять открытым затвор плотины выше по течению. Однако мельник его ослушался, за чем последовало наказание со стороны водяного — прорыв плотины⁵⁶. Заключение договора с хозяином воды предполагало преподнесение ему какой-либо жертвы. В случае, если мельница переходила во владение к новому человеку, тот должен был переустановить отношения с водяным (лешим).

В целом собранные материалы по Карелии подтверждают тезис о том, что как сама мельница, так и ее важнейшая утилитарная функция — помол зерна — имели сакральное значение. При этом в повседневной жизни карельского крестьянина реальность и мифологические представления не были обособлены друг от друга. Мифологизированный образ мельника как отшельника не противоречил упоминаниям о его семейном статусе в реальной жизни. Также на карельских материалах не удалось обнаружить запрета на посещение мельницы женщинами и детьми. В этом прагматика и функциональная роль мифа, на которую указывал, в частности, Б. Малиновский: миф «подтверждает эффективность ритуала и включает в себе практические правила, задающие человеку ориентиры»⁵⁷.

Мельницы в топонимии края

О значимой роли мельниц в хозяйственно-экономической жизни деревни свидетельствуют данные топонимии Карелии. В научной картотеке топонимов ИЯЛИ КарНЦ РАН фиксируется несколько сотен названий географических объектов, в основе которых отразились русский и карельские термины со значением 'мельница': *мельница*, *melliččä* (с фонетическими вариантами *melličču*, *mellič*), *mylly*. При этом ареалы функционирования терминов разнятся: прибалтийско-финский *mylly* фиксируется в основном в говорах и топонимии карелов, проживавших в северо-западной и западной частях Карелии (бывш. Ухтинской, Кестенгской, Юшкозерской и Поросозерской волостях), а также в Приладожье, в то время как заимствованный

⁵³ Щепанская Т. Б. Мужская магия и статус специалиста (по материалам конца XIX–XX вв.) // Мужской сборник. Вып. 1. М., 2001. С. 27.

⁵⁴ Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä. S. 322–323.

⁵⁵ Ibid.

⁵⁶ Иванова Л. И. Персонажи карельской мифологической прозы. Исследования и тексты быличек, бывальщин, поверий и верований карелов. М., 2012. С. 414.

⁵⁷ Малиновский Б. Миф в примитивной психологии. Посвящение сэру Джеймсу Фрезеру // Вестник культурологии. 2004. № 1. С. 27.

из русского языка термин *melliččä* известен повсеместно. Такая ареальная дистрибуция понятий косвенно свидетельствует о тесных экономических связях карелов из указанных волостей с финским населением. Примечательно, что в обозначенных приграничных районах термин *melliččä* может использоваться наравне с *mylly*, ср. зафиксированное в Кестенгской волости название мельницы, в котором присутствуют обе лексемы — *Myllyojanmelliččä* (букв. мельница Мельничного ручья или мельница на Мельничном ручье). Русский термин «мельница» широко представлен в топонимии Заонежья и Пудожья — местах проживания локальных групп русского населения. Топонимическая основа *Мельниц-* / *Мельнич-* / *Mellič-* / *Mylly-* выступает главным образом в микротопонимии — в названиях **полей** (*Мельницкое поле*, *Мельничное поле*, *За Мельницей*, *Melliččyrannapeldo* (*randa* — ‘берег’, *peldo* — ‘поле’)), **покосов** (*Мельничные покосы*, *Melničniit* (*niitty*, *niit*, *nit* — ‘луг, пожня, покос’)), **полян** (*Мельницкая поляна*, *Мельничная Полоса*), **ручьев и небольших речек** (руч. *Мельничный*, руч. *Melličoja*, руч. *Myllyoja* (*oja* — ‘ручей’), р. *Melličänd’ogi*, р. *Mylyljoki*, р. *Melliččyjogi* (*d’ogi*, *jogi*, *joki* — ‘река’)), **речных порогов** (*Мельничные*, *Melliččykoski*, *Mylykoski* (*koski* — ‘порог’)), **дорог** (*Мельницкая дорога*, *Мельничная дорога*, *Melličändorog* (*dorog* — ‘дорога’)), **участков леса** (*Мельничный Бор*, *Melličänkangas* (*kangas* — ‘бор’)), **возвышенностей** (*Мельничная Гора*, *Melliččymägi* (*mägi* — ‘гора, холм, возвышенность’), *Mylyvuara* (*vuara* — ‘гора, покрытая лесом’)), **заливов** (*Мельничная Губа*, *Melličänguba* (*guba* — ‘залив, бухта’), *Mylylakši* (*lakši* — ‘залив’), *Melličkuar* (*kuar* — ‘залив, бухта’)), **родников** (*Melličänrodniekku* (*rodniekku* — ‘родник, ключ’)), **небольших озер** (*Melliččylambi* (*lambi* — ‘небольшое лесное, обычно непроточное, озеро; ламба’)), **мысов** (*Melličniemi*, *Mylyniemi* (*niemi* — ‘мыс’)) и др.

Комментарии информантов к приведенным примерам показывают, что указанная основа выступает в названиях тех географических объектов, которые располагались в непосредственной близости от мельниц: «дорога ведет на мельницу»⁵⁸, «поле на повороте р. Калейручей, у бывшей мельницы», «через поляну проходила дорога к мельнице», «поле на высоком месте, где была ветряная мельница», «сенокос около мельницы», «пороги на руч. Черевский при мельнице», «родник на берегу реки Тигверка, около мельницы».

Среди топонимов с рассматриваемой основой обнаруживаются также названия самих мельниц, в которых подчеркивается право собственности на объекты: *Meļ’nikovanmeļ’nič* (букв. мельница Мельникова), *Meļ’n’ikanmeļ’nič* (букв. мельница мельника), *Vällöizenmelliččä* (букв. мельница Вяллиева), *Kost’anmylly* (букв. мельница Кости). Это обстоятельство указывает на то, что данные мельницы были не единственными в округе, поскольку одна мельница в деревне не нуждалась в названии — потребность в номинации возникает при наличии нескольких однотипных объектов на ограниченной территории. Так, мельница крестьянина И. Н. Вяллиева из д. Мартнаволок Петрозаводского уезда, получившая название *Vällöizenmelliččä*, была построена в начале 1900-х гг. на р. Мунозерка примерно в 400 м ниже по течению от уже существовавшей мельницы крестьянина той же деревни Н. С. Гаврукова. Кроме того, в 5 км выше по течению действовала еще одна мельница⁵⁹. Навер-

⁵⁸ Здесь и далее комментарии приводятся из полевых материалов научной картотеки топонимов ИЯЛИ КарНЦ РАН.

⁵⁹ Статистические сведения о ветряных и водяных мельницах по Петрозаводскому уезду // НАРК. Ф. 27. Оп. 3. Д. 69/532. Л. 71, 89; Список населенных мест Олонецкой губернии по сведениям за 1905 год. Петрозаводск, 1907. С. 20.

няка в народной среде для идентификации объектов бытовали названия и для двух последних, но топонимической экспедиции удалось зафиксировать лишь одно.

Следует отметить, что в списках населенных мест разных лет фиксируется ряд названий деревень с обозначенной основой: д. *Мельница* / *Melliččä*⁶⁰; д. *Мельничное*; д. *Пустошкина Мельница*; д. *У мельницы между ламбами* / *Melliččä*; д. *При Мельницах* / *Мельницы* / *Речное устье при мельницах* / *Melličču* и др.

Мельницы таким образом становились важным номинативным центром, вокруг которого формировалась локальная топонимия. Это хорошо просматривается на примере групп топонимов с рассматриваемой основой в топосистеме отдельных поселений. Например, существовавшая в окрестностях д. Тигвера мельница дала названия мосту (*Melliččysildu*), роднику (*Melliččänrodniekku*), бору (*Melliččänkangas*), горе (*Melliččümägi*), берегу (*Melliččümäinrandu*). Подобные микросистемы складывались вокруг каждой мельницы. Одна из мельниц в окрестностях оз. Мунозеро дала название деревне (*Melliččä* / *У мельницы* / *У мельницы между ламбами*⁶¹), мысу, на котором стояла деревня (мыс *Melliččniemi*), протоке, на которой располагалась мельница (р. *Melliččänd'ogi* / *Мунозерка*). Уже упоминавшаяся выше мельница Вялльева, известная как *Vällöizenmelliččä*, находилась на берегу Пертозера, и этот берег получил название *Melliččrand*.

Заключение

В начале XX в. мельницы играли важную роль в различных аспектах экономической и общественной жизни карельской деревни. Они были частью технологической цепи получения хлеба и других крестьянских продуктов питания, которые готовились из ржаной, ячменной и овсяной муки. Распределение мельниц по изучаемой территории зависело прежде всего от хозяйственных потребностей жителей.

Исследование показало, что мукомольное дело в Карелии оставалось на стадии ремесленного производства, а мельницы обеспечивали лишь дополнительный заработок для их владельцев. Это объяснялось прежде всего дефицитом собственного зерна в регионе.

Являясь важной частью благосостояния населения, мельницы были включены в различные правовые отношения между крестьянами, будучи объектом аренды, продажи, источником прибыли.

Изученные материалы дополняют также картину общего кризиса сельского хозяйства Карелии во время Первой мировой войны: мобилизации на фронт, лишавшие деревню рабочей силы, а также рост инфляции крайне негативно сказались на мукомольном деле края.

Важная социально-экономическая роль мельниц в Карелии нашла отражение в нематериальной культуре местного населения. Мельницы были наиболее удаленной от крестьянского жилища хозяйственной постройкой, а значит, символически близкой к «иному», не освоенному человеком миру. Анализ этнографических данных показал, что в крестьянском мировоззрении мельницы сохраняли значение особого локуса, связывая при этом символическое и рациональное, ритуал и быт.

⁶⁰ Через знак «/» приводятся все варианты названия конкретного географического объекта.

⁶¹ Список населенных мест Олонецкой губернии по сведениям за 1905 год. Петрозаводск, 1907. С. 20.

Это нашло отражение в отсутствии запрета на посещение мельниц женщинами и детьми в карельской традиции или на возможность для мельника вступить в брак. Вместе с тем русские и карельские материалы схожи в том, что залогом длительного функционирования мельницы и регулярного получения муки было заключение особых договорных отношений между водяным и владельцем постройки.

Наконец, необходимо отметить широкое присутствие мельниц в топонимическом материале Карелии. Характерная топооснова фигурировала в названиях важных локальных топонимов сельской округи. Таким образом, материалы топонимии подтверждают важное значение этих хозяйственных построек в жизни и картине мира крестьян.

Перспективной темой для дальнейшего исследования является выявление направлений закупок муки и зерна местными крестьянами. Необходимы также поиск этимологических решений для карельских терминов «мельник» и последующее изучение мельниц в антропологическом аспекте с учетом этнолокальной специфики. Наконец, требуется продолжение работы по наполнению базы данных уточняющей информацией о локализации этих построек с возможным созданием затем интерактивной карты, охватывающей территорию Карелии.

References

- Chernykh O.N., Volshanik V.V. Rol' vodianykh mel'nits v vossozdanii istoricheskikh landshaftov. *Prirodoobustroistvo*, 2017, no. 4, pp. 47–55. (In Russian)
- Goriunov V.S., Zaiats I. S. Vodiane i vetriane mel'nitsy severo-zapadnogo regiona Rossii. Konstruktivnye osobennosti i tipologiya. *Vestnik grazhdanskikh inzhenerov*, 2006, no. 4, pp. 5–12. (In Russian)
- Ivanova L. I. *Personazhi karel'skoi mifologicheskoi prozy. Issledovaniia i teksty bylichek, byval'shchin, poverii i verovanii karelov*. Moscow, Russian Foundation for education and science Publ., 2012, 560 p. (In Russian)
- Lutsidarskaya A. A. Mel'nitsy sibirskogo regiona v XVII veke kak znaki stanovleniia i razvitiia mukomol'nogo proizvodstva. *Balandinskie chteniia*. Novosibirsk, Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts Publ., 2018, pp. 457–461. (In Russian)
- Malinovskii B. Mif v primitivnoi psikhologii. Posviashchenie seru Dzhaimsu Frezeru. *Vestnik kul'turologii*, 2004, no. 1, pp. 40–94. (In Russian)
- Opolovnikov A. V. *Russkoe dereviannoe zodchestvo. Grazhdanskoe zodchestvo*. Moscow, Art Publ., 1983, 287 p. (In Russian)
- Orfinskii V. P. *Dereviannoe zodchestvo Karelii*. Leningrad, Stroyizdat Publ., 1972, 119 p. (In Russian)
- Potahin S. B. Mel'nichnoe khoziaistvo na territorii Fennoskandii (finno-ugorskii i slavianskii arealy rasseleniia): istoriko-geograficheskii analiz. *Vostochnaia Evropa: voprosy istoricheskoi, obshchestvennoi i politicheskoi geografii*. Pskov, Pskov State Pedagogical Institute Publ., 2003, pp. 70–73. (In Russian)
- Potahin S. B. Vetriane i vodiane mel'nitsy Vytegorskogo uezda. *Vytegra: Kraevedcheskii al'manakh, t. 1*. Vologda, 1997, Russia Publ., 1997, pp. 168–170. (In Russian)
- Prokof'eva E. Iu. Problemy organizatsii mukomol'noi promyshlennosti sovetskoi Rossii v pervoi polovine 20-kh gg. XX v. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriiia. Politologiiia. Ekonomika. Informatika*, 2007, vol. 2, iss. 3, pp. 73–79. (In Russian)
- Rybakov G. A. *Remeslo drevnei Rusi*. Moscow, Academy of Sciences USSR Publ., 1948, 791 p. (In Russian)
- Shchepanskaia T. B. Muzhskaia magiia i status spetsialista (po materialam kontsa XIX–XX vv.). *Muzhskoi sbornik, vol. 1: Muzhchina v traditsionnoi kul'ture: Sotsial'nye i professional'nye statusy i roli. Sila i vlast'. Muzhskaia atributika i formy povedeniia. Muzhskoi fol'klor*. Moscow, Labirint Publ., 2001, pp. 9–27. (In Russian)
- Sysoeva E. A. Vodiane i vetriane mel'nitsy Samarskoi gubernii XIX — nachala XX veka. *Gradostroitel'stvo i arhitektura*, 2016, no. 3 (24), pp. 84–90. (In Russian)

- Vedernikova N. M. Meľnitsy i meľnik v russkoi mifologii. *Nauchnyi dialog*, 2014, no. 12 (36), pp. 6–22. (In Russian)
- Volshanik V. V., Yurchenko A. N. *Konstruksii vodianykh i vetrianykh meľnits Rossii XIX — nachala XX vekov*. Moscow, Association of Construction Universities Publ., 2010, 344 p. (In Russian)
- Yakovleva S. I. Meľnitsy v sel'skom rasselenii i khoziaistve tverskogo kraia. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Geografiia i geoekologiia*, 2017, no. 3, pp. 17–29. (In Russian)
- Yamskov A. N. Istoriiia stanovleniia i razvitiia otechestvennoi etnoekologii. *Ethnographic Review*, 2013, no. 4, pp. 49–64. (In Russian)
- Zaiats I. S. Obshchie cherty i osobennosti arkhitektury meľnichnykh sooruzhenii. *Izvestiia Rostovskogo Gosudarstvennogo Stroitel' nogo Universiteta*, 2015, vol. 1, no. 19, pp. 314–316. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 25 февраля 2021 г.

Рекомендована в печать 25 мая 2021 г.

Received: February 25, 2021

Accepted: May 25, 2021